

XII Международный литературный Тютчевский конкурс «Мыслящий тростник»

Ермакова Анастасия Геннадьевна

1 место в номинации «Философское эссе»

Русский экзистенциалист Фёдор Тютчев

Однажды я попала на встречу с одним известным психологом. За довольно большие деньги он предлагал присутствующим избавиться от болезненных воспоминаний раз и навсегда.

- Я беру ваше воспоминание, – объяснял он, – и кромсаю его на много-много мелких кусочков, – движением заправского повара он словно шинковал огурцы для салата.
- И что? – ехидно спросил кто-то из зала.
- И то! За 90 секунд воспоминания вашего больше нет! То есть помнить-то вы будете, но вам уже не будет больно...

И тут я задумалась: хочу ли я избавиться от боли? Насовсем? Держать свои воспоминания в туго сжатом кулачке, как пустые обёртки от конфет, лишённые всякого содержания? Наконец-то можно будет спокойно вспоминать о дорогих ушедших людях, о гулких расставаниях... Все то, что годами мучило и разрывало, теперь будет лежать тихо-смирно с опознавательными житейскими бирками: смерть, разлука, неудача.

В этот момент мне почему-то вспомнился Фёдор Иванович Тютчев. Его строки властно и отчётливо зазвучали в голове, перекрывая громкие обещания пустого беспамятного счастья:

*Как ни тяжёл последний час –
Та непонятная для нас
Истома смертного страданья, –
Но для души еще страшней
Следить, как вымирают в ней
Все лучшие воспоминанья...*

Вот уж для кого забыть страшнее, чем умереть. Не только «лучшие», но и «худшие» свои воспоминания никогда бы не отдал Фёдор Иванович. Да разве отдал бы он кому-нибудь за все сокровища мира память о Елене Денисьевой, память о своих умерших детях?..

И разве открылось бы ему тогда такое:

О вещая душа моя!

*О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьёшься на пороге
Как бы двойного бытия!..*

Сакральное знание неведомого, тайна жизни, считанная сердцем. Глубокое переживание собственной боли напрямую связано с умением сочувствовать. А для Тютчева сочувствие – константа бытия, сравнимая с благодатью.

*Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовётся, –
И нам сочувствие даётся,
Как нам даётся благодать...*

Несомненно, не только Пушкин – наше все, но и Тютчев – наше все, светлый гений отечественной литературы, вещий голос которого звучит в каждом русском сердце.

Неудивительно, что его считали «своим» и символисты, и акмеисты. Он одновременно и вне всяких течений, и вместе с тем созвучен каждому из них. Потому первыми и оценили дарование Тютчева титаны: Пушкин, Некрасов, Тургенев и даже Толстой, который стихи вообще не особо жаловал.

Вот, например, Валерий Брюсов:

*Каждый миг есть чудо и безумье,
Каждый трепет непонятен мне,
Все запутаны пути раздумья,
Как узнать, что в жизни, что во сне?
(«Каждый миг»)*

А вот Фёдор Тютчев:

*Есть близнецы – для земнородных
Два божества, – то Смерть и Сон,
Как брат с сестрою дивно сходных –
Она угрюмей, кротче он...
(«Близнецы»)*

И кто скажет, что это не символизм?
Или вот ещё пример.

Андрей Белый:

*Окна запотели.
На дворе луна.*

*И стоишь без цели
у окна.*

*Ветер. Никнет, споря,
ряд седых берёз.
Много было горя...
Много слёз...*

*И встает невольно
скучный ряд годин.
Сердцу больно, больно...
Я один.*

Фёдор Тютчев:

*Сижусь задумчив и один,
На потухающий камин
Сквозь слёз гляжу...
С тоскою мыслю о былом
И слов в унынии моём
Не нахожу.*

*Былое – было ли когда?
Что ныне – будет ли всегда?..
Оно пройдёт –
Пройдёт оно, как всё прошло,
И канет в тёмное жерло
За годом год...*

И здесь не только схожеся темы и отчасти даже интонации, но определённый лексический подбор, и символическая наполненность.

Мгла, тень, сон, бездна, рок, сон, тайна – лексические проводники символистов; все эти слова есть и у Тютчева. Но Тютчев гораздо шире и «светлее»: упоенье, благодать, чудо, небеса, свет встречаются в его поэтике не реже, этим и достигается особое равновесие тьмы и света, разочарования и надежды в его поэтическом мире. И пробивается нежное сочувствие ко всему хрупкому и недолговечному, всему, что увядает и готово вот-вот исчезнуть.

*...Как увядающее мило!
Какая прелесть в нём для нас,
Когда, что так цвело и жило,
Теперь, так немошно и хило.
В последний улыбнётся раз!..*

И умиротворяет бесконечное любование красотой этого мира.

*Так, в жизни есть мгновения –
Их трудно передать,
Они самозабвения
Земного благодать.
Шумят верхи древесные
Высоко надо мной,
И птицы лишь небесные
Беседуют со мной.
Всё пошлое и ложное
Ушло так далеко,
Всё мило-невозможное
Так близко и легко.
И любо мне, и сладко мне,
И мир в моей груди,
Дремотою обвеян я –
О время, погоди!*

И накатывает ощущение внезапной безотчётной радости существования:

*...Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворён,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоён.*

В поэтике Тютчева, несомненно, можно обнаружить и ростки акмеизма.

Вот Ахматова:

*Сжала руки под тёмной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.*

*Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот...*

А вот Тютчев:

*Она сидела на полу
И груду писем разбирала,*

*И, как остывшую золу,
Брала их в руки и бросала.*

*Брала знакомые листы
И чудно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...*

Какое внимание к деталям, выпуклая «вещность», а какое блестящее, удивительно точное сравнение: «как души смотрят с высоты на ими брошенное тело»!

Очень верно всеохватность Тютчева на семантическом уровне охарактеризовал Юрий Лотман: «Семантика поэзии Тютчева отличается большой сложностью. Если привычная картина в истории литературы состоит в том, что отдельные поэты и целые литературные направления переходят от одного типа смыслообразования к другому как от этапа к этапу, то для Тютчева характерно, часто в пределах одного стихотворения, совмещение самых различных и исторически несовместимых семантических систем. Одни слова у него несут барочно-аллегорическую семантику, другие связаны с романтической символикой, третьи активизируют мифологический пласт значений, оживляющий черты глубокой древности, четвёртые с исключительной точностью и простотой обозначают вещный мир в его предметной конкретности».

Есть в поэзии Тютчева и отголоски романтизма, и пантеизм, о чём говорили многие литературоведы. Природа, конечно, одухотворена у Тютчева, но не сама по себе, а только перед взором чуткого сердца любующегося человека. Да ведь и не в пантеизме дело. И тут Тютчев гораздо шире. Его духовный поиск точно охарактеризовал Борис Тарасов в своей статье «Тютчев и Паскаль»: «И Тютчеву, и Пушкину свойственно по-разному обнаруживаемое в их творчестве стремление заглянуть «за край» культурного, идеологического, экономического и т. п. пространства и времени и проникнуть в заповедные тайники мирового бытия и человеческой души, постоянно питающие и сохраняющие ядро жизненного процесса при всей изменяемости в ходе истории (до неузнаваемости) его внешнего облика». Также Тарасов совершенно верно отметил «онтологическую целеустремлённость» Тютчева. Это, пожалуй, путеводная нить его поэтики. Я бы ещё отметила и аксиологическую насыщенность поэтической ткани, мощную этическую доминанту (без всякой назидательности, разумеется), потому что ценностные ориентиры Тютчева абсолютно очевидны и прекрасно просматриваются практически в каждом стихотворении.

Фёдор Тютчев – первый русский экзистенциалист, ибо проблема существования человека в мире тревожила его больше всего. Именно поэтому можно найти пересечение его поэтики с мыслями Паскаля и Кьеркегора, первыми европейскими экзистенциалистами. И если экзистенциализм XX века (Камю, Сартр, Хайдеггер), сгущая каждодневную абсурдность бытия до

невыносимости, пытаются так или иначе заслониться от нее, отгородиться от боли, изобретая методы онтологического спасения человека в мире и от мира, то Тютчев — более чем за сто лет до них! — честно и сурово проживает боль, бесстрашно доходя до её сердцевины. Разумеется, не с мазохистской целью продления мучений, а с целью самосохранения себя, своей человеческой сути.

Переживание, проживание каждого дня — вот самое главное, каждый прожитый день укрупняет важное и стирает ненужное.

*Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.*

*Живя, умей все пережить:
Печаль, и радость, и тревогу,
Чего желать? О чём тужить?
День пережит — и слава богу!*

И молитва поэта не о чуде или о счастье, а о том, чтобы хватило сил пережить все испытания судьбы.

*Все, что сберечь мне удалось,
Надежды, веры и любви,
В одну молитву всё слилось:
Переживи, переживи!*

Пережить отчаяние после смерти любимых людей:

*Дни сочтены, утрат не перечесать,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я, как есть,
На роковой стою очереди.*

Это стихотворение написано после смерти брата. Но ещё более пронзительны стихи, написанные после смерти Елены Александровны Денисьевой.

Сегодня, друг, пятнадцать лет минуло
С того блаженно-рокового дня,
Как душу всю свою она вдохнула,
Как всю себя перелила в меня.

И вот уж год, без жалоб, без упрёку,
Утратив всё, приветствую судьбу..
Быть до конца так страшно одиноку,
Как буду одинок в своём гробу.

Быть может, это самый сильный образ одиночества, который когда-либо был создан!

Тютчев страшно мучается, но в итоге переживает всё стоически, как настоящий мудрец. Понимает, что несмотря на все радости земной жизни, подлинная тайна откроется нам только за порогом бытия. Тютчевские вершины философской лирики бесспорны.

*От жизни той, что бушевала здесь,
От крови той, что здесь рекой лилась,
Что уцелело, что дошло до нас?
Два-три кургана, видимых поднесь...*

*Да два-три дуба выросли на них,
Раскинувшись и широко и смело,
Красуются, шумят, – и нет им дела,
Чей прах, чью память роют корни их.*

*Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаём
Самих себя лишь грёзою природы.*

*Поочерёдно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.*

Страшное и великое стихотворение! И велик, поистине велик поэт, первый русский экзистенциалист Фёдор Тютчев.

Лауреат конкурса «Мыслящий тростник» в номинации «Философское эссе»

Воробьёва Людмила Анатольевна

«Блажен, кто посетил сей мир...»

Философская лирика Фёдора Тютчева и русская изящная словесность:
штрихи к современному поэтическому портрету

*«Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые!
Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир».*

Автор этих волшебных влекущих к познанию тайн бытия строк – русский поэт Фёдор Иванович Тютчев. Глубинное трепетное тютчевское слово раскрывает целый мир мыслей и чувств, корнями своими связанными с родной землёй, природой и человеком. Проходит время, но не перестаёт поражать его почти пушкинская красота – гармония сочетания содержания и формы стиха. Сегодня возвращение к поэзии мирового классика стало заметно и в литературе, и в различных публикациях, и в книгоиздательстве, и в обществе. Значит, абсолютно прав философ и лирик Тютчев, который в афористичной формуле определил истоки своего творчества, доподлинно зная, «чтобы поэзия процветала, она должна иметь корни в земле».

Родился поэт в российском селе Овстуг, на Брянщине, в чудном историческом крае. Но так уж сложилась его жизнь, что буквально по пальцам можно было пересчитать годы, когда он посещал своё родовое гнездо. Фёдор Тютчев избрал судьбу блистательного дипломата, поприще служащего иностранной миссии. Невероятно и парадоксально: литература не была для него профессией. При всём при том ему удалось совершить невозможное, будучи вдали от России, – сохранить себя для Родины и для русской культуры. Тютчевская поэзия принадлежит к числу лучших созданий поэтического гения. Тютчева любили именно как поэта за жар и искренность его души. Высота поэтического слова, неисчерпаемое богатство русского языка, насквозь пронизанного тончайшими оттенками, и в новом тысячелетии привлекают к себе широкий круг литераторов и читателей, благодарно отдающих дань творчеству гениального лирика.

Не секрет, что выдающийся поэт влияет на другого поэта. К тому же такой, нисколько не теряющий своей современности, чародей слова как Тютчев. В русле нашей темы хотелось бы через призму волшебства художественной речи – Фёдора Тютчева – представить поэтическое слово наших достаточно известных современников: Анатолия Аврутина, Дмитрия Мизгулина, Андрея Шацкого. Прежде всего в сравнениях, параллелях и точках пересечения мы

будем искать определение не жанровое, но смысловое. Здесь играет существенную роль эстетика мгновенности или, быть может, искра Божья – почувствовать настоящую поэзию. Ведь при всех различных вариациях поэтического голоса и звука – подобие наблюдается. На фоне центральной творческой личности – Тютчева, – дополняя общий портрет поэтов, – проявляется личность двоякого художника-метафизика – Аврутина, оригинального романтика свежего и образного пера – Мизгулина, метафорически насыщенного лирика-импрессиониста – Щацкова. Вероятно, вы увидите некое тайное соответствие, поймете, что границы творчества прозрачны, что неизъяснимая тютчевская тайна живёт в каждом из них, а значит, она есть и в каждом из нас.

«Нам не дано предугадать...»

Слова, поставленные нами в заглавие, сказаны Тютчевым именно о природе поэзии как таковой. Вспоминая произведения русских классиков, понимаешь, почему их книги вне времени и вне пространства, почему они воспринимаются как нечто вечное. Классик – тот, кто преодолевает эпоху. Гул вечности слышится в стихах большого поэта-философа Анатолия Аврутина, для которого превыше всего – традиция реализма в искусстве, вобравшая в себя огромный духовно-исторический опыт народа. Во всём ощущается новое и бесконечное начало. Классики бессмертны, и автор ведёт с ними свой нескончаемый в веках диалог:

Раскрытый Тютчев... Смятая кровать.

Четвёртый день раздумчивого мая.

Опять «умом Россию не понять...» –

Так и живём её не понимая.

Здесь прошлое живёт в настоящем – как одна нескончаемая тайна... Как будто сами по себе текут слова, непринуждённо складываясь в довольно грустные и напряжённые строки, – многое узнаваемо и действительно, и многое проецируется из былого в наше реальное и в грядущее.

Раскрытый Тютчев... Старый, с буквой «ять»,

Предтеча огнедышащего Блока,

Когда «умом Россию не понять...»,

И оттого – светло и одиноко.

Один поэт читает другого: читает самозабвенно, ночь напролёт, одолеваемый горестными и просветлёнными думами. Неразрешимая проблема экзистенциального одиночества, когда «страдающий о вечном и любимом» кому-то вновь «не ко двору».

Однако тот же Тютчев благодаря своей поэтической интуиции открывал собственный закон философии – мир единого целого: «Всё во мне, и я во всём!..» Его страстно влекли глубина Вселенной, человеческая Душа. Не зря уже в 44 года он выразится так: «Я жил свой век и... у меня ничего нет в настоящем». А почти 20 лет спустя напишет незабываемое гениальное четверостишие:

Умом Россию не понять,

Аршином общим не измерить:

У ней особенная статья —

В Россию можно только верить. (1866)

Разве есть сегодня в России человек, не знающий этих философско-лирических строк, которые вот уже более двух столетий убедительно говорят о неизменных противоречиях, происходящих в нашей стране?! Непостижимо, но находясь в Европе, Тютчев ни стал ни убеждённым космополитом, ни квасным патриотом. Обладая проницательным умом, свободой мысли, не в пример оным, он искренне любил свою многострадальную Россию.

Уникальный художник философской двойственности и Анатолий Аврутин, стихи которого притягивают к себе ощущением раздвоения, энергией антитезы. Говоря о сокровенном, автор по сути говорит об общем, глобальном. Поэзия Аврутина отличается ярким эпическим звучанием, преодолением непостижимых внутренних коллизий, совмещением двуполярного единства. В его стихах содержится много скрытой боли. И этот дисгармоничный мир надо принять и осмыслить. Он показывает весь трагизм исторического бытия XX – XXI веков – веков всеобщего нравственного кризиса. Некоторые произведения приобретают страдальческий и одновременно просветлённый отсвет, и наше далёкое прошлое проясняется.

Который день, который год,

Труд не сочтя за труд,

И в урожай, и в недород

Их сумрачно ведут.

Штыками тени удлиня,

Ведут, как на убой.

Анатолию Аврутину характерен метафизический подход к постижению тех или иных крупных событий, присущи глобальные лирико-философские обобщения – широкая историческая ретроспектива. Мимолётность человеческого бытия, время и пространство, жизнь и смерть, боль и страдание...

Обращаясь к воспоминаниям «Ф. И. Тютчева», мы так же понимаем, насколько близко к сердцу принимал поэт людское горе. Он слыл мастером экспромта, и первое чувство – самое истинное и верное – никогда не подводило Фёдора Тютчева:

Слёзы людские, о слёзы людские,

Льётся вы ранней и поздней порой...

Льётся безвестные, льётся незримые,

Неистоцимые, неисчислимые, —

Льётся, как льются струи дождевые

В осень глухую порою ночной.

И не только ненастная, дождливая погода всему виной. Душа его плачет и сострадает, полнится сочувствием ко всем отчаявшимся, вероятно, ко всем обездоленным, ко всем тем, кто так нуждается в милосердии.

Очевидно, что Анатолий Аврутин ставит задачу: попытаться приблизиться к пониманию мыслительных гениев, интеллектуалов XIX – XX веков, исследователей человеческого духа, всецело познавших истину. Тут

подключается логика парадокса. Он мистический поэт, которого влечёт неизведанное – случай – рок – фатальность, значит – он и мыслит метафизически: «Что велено роком, / То, значит, и велено роком, / И сбудется всё, / здесь не нужно казаться пророком». Всесильна испепеляющая близость рока, и молох дара обуревают художника, сжигая его изнутри.

Собственно, эта близость прослеживается и у Тютчева, который писал: «Две силы есть – две роковые силы, / Всю жизнь свою у них мы под рукой, / От колыбельных дней и до могилы, – / Одна есть Смерть, другая – Суд людской» (1869). Поэт смело глядит в лицо смерти, ибо она «честней – чужда лицепрятую», когда тот же свет: «он там бесчеловечней, / Где человечно-искренней вина». Какой сильный и высоко критический ум, предопределяющий неизвестное, что дается человеку Свыше.

Обретая духовное родство и целостное поэтическое пространство, и наш современник Аврутин будто вступает в мысленный диалог с Тютчевым, ясно осознавая извечную парадоксальность русского бытия:

*Стою у русского предела,
Где Бог не терпит суеты,
Где осыпаются несмело
На сердце поздние цветы.*

<...>

*И за чертою пониманья
Сей путь, что начат не с нуля...
Зачем нам смутные терзанья,
Когда мы – бездна и земля?*

Драматизм противостояния и принятия неизбежного противоречия неба и земли. У Аврутина, как и у Тютчева, поэзия полна тревожных предчувствий, вряд ли её назовёшь оптимистичной. Драматургия его поэтических сюжетов охватывает существенный отрезок времени, коему характерно пограничное пересечение эпох и столетий. Говоря о себе, автор говорит за всех и о коллективном, поднимаясь в художественном мышлении до всечеловеческого и надмирного восприятия бытия: «Я в этот мир пришел в своё число, / Меня сюда случайно занесло. / Я не спешил сюда... Меня не звали». Да, такая поэзия трагична, и герой этой поэзии – трагический герой, болезненно переживающий трагедию раздвоения. «Много боли» – драматический разрыв и прозрение одиночества. Пожалуй, на рубеже конца XX и начала XXI веков Аврутин ещё более одинок, чем в своём XVIII веке Тютчев. Стоит заметить, поэтический космос Аврутина включает в себе целый универсум, представляющий многомерность различных событий, явлений, вещей и предметов. Сохраняя глубину традиции, он показывает не просто роль личности в истории, но и ставит задачу – высветить истинную роль Поэта, его предназначения и места в истории. Поэт и власть. Поэт и общество – темы непреходящие. Эта неоднозначная ситуация представлена автором весьма оригинальным произведением:

*Кто – времениц или Павел
Царством правил? –*

*Размыты даты, спутались года.
Но всякий царь, шута встречая лаской,
Стихам внимал с тревогой и опаской
И не любил поэтов никогда.*

Тут же приходят на ум строки Тютчева из «Цицерона»: «Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые!..» И обнажаются исторические бездны, над которыми, по слову русского мыслителя, «хаос шевелится» и видится «закат звезды... кровавый!..» Поистине – противоречивая дилемма героя, политика и государственного деятеля, наделённого властью, и в то же время личности творческой, философа, поэта:

*Его призвали всеблагие
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был —
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил! (1829–1830)*

Мы имеем дело с художественным открытием: точный ключевой образ – гениальный уровень и совершенно волшебные стихи. Бессмертие и величие творческого гения. Впрочем, и Аврутин умеет найти сакраментальную фразу, умеет сопоставить жизненные и творческие параллели, чтобы доподлинно раскрыть самооценку художника-творца:

*Кого же свет хвалил и так, и этак,
Тот никогда и быть не мог в поэтах,
Пусть был он государю трижды мил.
И чтобы ни творила воля злая —
Не Пушкин жил в эпоху Николая,
А Николай при Пушкине царил.*

Оказывается, не всё на свете существует вневременно – только Слово. «И если за стихи казнят при этом, / То это настоящие стихи», – таково исчерпывающее заключение поэта. Это – почти магическая – воля одним мановением, одним росчерком пера – суметь обозначить в поэзии главное. Автор этих строк аналогично Пушкину и Тютчеву – поэт-историк. Подобная ипостась просто обязывает достигать определённых высот. Именно Россия для поэта – надежда и утешение. И он – русский поэт. Эта страна не пропадет и не сгинет, она, по мнению автора, хранит в себе ещё не выявленную мощь и энергию.

Таковыми же преданными своему родовому началу были и убеждения Фёдора Тютчева, принимающего поэзию – как высший Божественный дар. «Она с небес слетает к нам», – не переставал поэт восторгаться Словом. Слово торжествует как для Тютчева, так и для Аврутина, побеждая тьму, бездну, хаос, оно утверждает свет, жизнь, творчество. «О, как убийственно мы любим!»

Русские классики оставили нам немеркнувшие лирические шедевры, содержащие уникальный опыт любви. Великий литературный критик Н. А. Добролюбов находил, что таланту Ф. И. Тютчева доступна «и знойная

страстность, и взрывная энергия, и глубокая душа...» Творец гармонии и красоты, поэтическое достоинство которого даже спустя столетия несомненно, вдохновенно и страстно, писал: «О вещая душа моя! / О, сердце, полное тревоги...» Он – чуткий тайновидец человеческого сердца, довольно своеобразный, неповторимый лирик. Пожалуй, трудно представить, кто не слышал бы его романс «Я встретил Вас...»! Нет необходимости напоминать эти стихи полностью, но всё же – последние строки воскрешают вновь забытые чувства, говорят о том, что время над ними не властно, что дивная песнь любви побеждает и время, и пространство:

*...Тут не одно воспоминанье,
Тут жизнь заговорила вновь, –
И то же в вас очарованье,
И та ж в душе моей любовь!..*

Но и здесь загадка, поскольку существуют две версии посвящения этого столь пленительного произведения: юной красавице графине Клотильде фон Ботмер, которую 66-летний поэт встретил почти после полувековой разлуки, либо таинственной Амалии Лерхенфельд (будущей баронессе Крюденер). Любовь – тончайший источник поэтической энергии. Да, дорогой читатель, перед нами – исключительная творческая натура, обладавшая талантом любви, чувственным волнением, горением страсти. Неудивительно, что так бесконечна музыкальная судьба многих стихов художника, ставших настоящими шедеврами искусства.

Непреходящая красота природы и бесконечная сила любви – эти две темы – составляют главное содержание лирики и нашего современного поэта Дмитрия Мизгулина, строка которого по-своему созвучна музыкальной тютчевской строке. Поэтические приметы собственной полярной колыбели детства, жизни и любви – целой Северной Ойкумены – автор прежде всего вписывает в русскую православную духовность:

*Доверься неизбежному теченью,
Не умножай сомнения ума,
Внимай природы мудрому движенью;
Вернётся всё – и осень, и зима.
Душа летит под голубые своды,
Ведь жизнь твоя – а ей ведь нет конца, –
Частичка торжествующей природы, –
Бессмертное создание творца.*

Природа и любовь, соединяясь в своём едином восхитительном порыве, поднимают душу над землёю, над мирозданием и пространством. Мизгулин, как и Тютчев, проникнут родовыми корневыми связями, к тому же оба они афористичны, интеллектуально удивляя своими выразительными максимами. Невольно проводишь художественные параллели и вспоминаешь, какой чудесный свет излучают и стихи Фёдора Тютчева. Их звездное сияние просто ослепляет: «Еще томлюсь тоской желаний, / Еще стремлюсь к тебе душой — / И в сумраке воспоминаний / Еще ловлю я образ твой...» (1848)

Всё в мире содержит в себе свои противоположности. Ничто не может

существовать без своей обратной стороны, как свет без тени, как правда без лжи, как иллюзия без реальности, – эти понятия не только связаны друг с другом, но и неотделимы друг от друга, как жизнь и смерть. Два полюса – отрицательный и положительный – то отталкивающий, то притягивающий один другого. Оглядываясь на два столетия назад, мы понимаем, как невероятно много было дано замечательному поэту Тютчеву. Он проникал в глубины Вселенной и в самые потаённые уголки человеческой души. Ибо тонко чувствовал красоту, видел совершенную гармонию Божественного неба:

*Я знал ее еще тогда,
В те баснословные года,
Как перед утренним лучом
Первоначальных дней звезда
Уж тонет в небе голубом...*

Недосягаемая звезда, подобная вечной любви... Пожалуй, сегодня способен поразить читателя и такой поэт, как Дмитрий Мизгулин, – художник духовной свободы, живой свежести языка, красочной и оригинальной образности. Художник, который не перестает удивлять парадоксальностью жизненных и поэтических сравнений. Ему, как и Тютчеву, тоже человеку государственному, дарован острый, восприимчивый и независимый ум, чувствительный к всяческому воздействию извне, ум, не мешающий высказываться начистоту. А его душевная экология, бытие земное и небесное – сакральный ореол Божественного и холодного Севера, связь с которым он чувствует почти физически, – предстаёт во всей своей суровой красе. Коль скоро речь пошла о глобальных вещах: Мире, Природе, Космосе, то всякий сразу сообразит: в центре здесь стоят категории Вечности и Бога. Он сам и его лирический герой живут в необъятных владениях Севера, там, где «впаются звезды в лед», казалось бы, что может быть у него общего с неуловимо утонченным Тютчевым? Всеобъемлющая философия любви – Бог и Космос. Эта «непогодь» – Небо и Земля – одна Вселенная на двоих! Внутренние токи, идущие от его неослабевающей лиры, остро ощутимы, как это было ощутимо у лучших поэтов-лириков XIX века. Устремления поэта к высшим духовным сферам открывают ему целый огромный Космос. Мир един. Мы – лишь частицы бескрайнего небесного пространства, лишь песчинки вечной Тайны Бытия.

Стихи Дмитрия Мизгулина о любви проникнуты просветленным смирением и светом. Многие произведения поэта – это маленькие пьесы с сюжетами для двоих, где пронзительность образов, жизнь, любовь, творчество сливаются воедино. Вот, к примеру, одно из них, будто вобравшее в себя некую тютчевскую таинственность:

*Снег под утро сонно летит,
Занавесил плотно окно,
Женищина любимая спит,
Я уже не снюсь ей давно.*

.....
Я теперь обид не коплю,

*Не держу разлук про запас,
Просто безответно люблю
Звёздное мерцание глаз.
Снежная звенит тишина,
Мир ошеломительно прост,
И плывёт во мраке луна
В озаренье сумрачных звёзд... (2014)*

Всё здесь заколдованно и, вероятно, волшебства этой зимней и чистой, как белый снег, спустившейся с небес музыки нам не разгадать. Абсолютно непостижимая тишина, словно сошедшая с полотен гениальных художников, тишина, излучающая что-то нежное, тёплое. Образы женщин в поэзии Мизгулина сияют подобно путеводным звездам, вселяя тихое, странное состояние души:

*Не надо со мной говорить ни о чём,
А просто прижмись ко мне крепко плечом,
Не будем ни следствий искать, ни причин,
А просто вот так, в тишине помолчим.
Нужны ли теперь объясненья, слова.
Любовь, как известно, вовеки права.
Снежинки и звёзды кружатся во мгле,
Позёмка метёт по уснувшей земле. (2013)*

Но превыше всего, даже звезд и небес, – излияние духа Любви. Вот почему среди превратностей судьбы всегда есть твердая краеугольная основа: наш Бог – Любовь, и Его Солнце светит вечно. Обретение подлинной любви невозможно без веры в Бога. Лишь в Нём и заключается сила высокого чувства. Но оно, так же как и время, необратимо.

Вместе с тем надо признать, по чистоте и проникновенности искусства художников равных Тютчеву – отыскать сложно. Поразителен мир художественного творчества этого неповторимого мастера, где человеческий дух достигает самого высшего проявления непревзойдённых вершин. А тайна сия прежде всего в его личности. Ему, баловню фортуны и блистательному дипломату, были свойственны и любовные взлёты, и горькие потери, и вместе с тем мучительные философские поиски. «Вот бреду я вдоль большой дороги / В тихом свете гаснущего дня... / Тяжело мне, замирают ноги... / Друг мой милый, видишь ли меня?» («Накануне годовщины 4 августа 1864 года», 1865). Стихотворение посвящено Елене Александровне Денисьевой. Немеркнувший свет этой любви вопреки всему освещал ему путь даже тогда, когда любимой не стало. Но для Тютчева смерти нет! Очень личное произведение – как исповедь, как крик души! Три светлых имени проходят через его судьбу: Эрнестина, Елена, Амалия. Елена Денисьева – последняя любовь, быть может, наиболее сильная драматическая страсть поэта.

Любая культурная эпоха, завершаясь, продолжает своё существование, сочетаясь с новой, её сменившей. Как личность творческая Дмитрий Мизгулин в первую очередь живет душой и поэзией, ведь вопреки всему остается память, а вместе с нею – «небытие» любви, когда лишь разлука «волнует сердце до сих

пор». Да, с любовью неразрывно ходит разлука. Так было у Тютчева, когда разлука с Еленой Денисьевой, стала для него вечной. У Дмитрия Мизгулина она отражается сквозь призму долгих расставаний и коротких встреч. Быть может, прав поэт: «Предвосхищенье будущей разлуки / Порой важней предчувствия любви». Разлука в отличие от любви подобна «погасшей звезде»: «разлука – вечна, / Разлука – навсегда...» Автор, тонко воспринимающий все времена года, тягостный момент прощания передает не только на фоне прозрачной красоты природы, но чаще всего в тревожную непогоду: «Разверзлись и хляби, и воды / Мир тонет во мраке и мгле. / Ужаснее этой погоды / Наверное, нет на земле... / Но утром холодным и ранним / Луч солнца не тронет окно, / Уж если и ждёт расставанье, / Без мўки минует оно» (2016). И не успеть уже произнести торопливые слова любви в той давней истории, спустя годы ставшей стихами: «И расстались навсегда. Забыли / Эти клятвы, лодку и причал, / Разлетелись в снежно-звёздной пыли / Все концы, начала всех начал» («Не забудь меня...»). Возможно, поздно любить и прощать. Понимать – не поздно. Любовь и вечность, они стоят рядом. Это, как никто другой, хорошо знал Тютчев, пережив смертельную разлуку с любимой женщиной. Всё преходяще, кроме любви и поэзии. Вопреки всему герой Мизгулина верит, что однажды преодолев проклятье беспощадного времени, к нему придёт одна из многих – та единственная любовь, которую он выберет для себя «навек – в поводыри». Поэт-романтик любит русскую жизнь, а она, заметим, никогда не бывает скучной. Ты отчётливо понимаешь, что всякая его вдохновенная строка вплетена в непрерывную русскую поэтическую линию.

Впрочем, тут невозможно не вспомнить и знаменитое «Предопределение» – бессмертную тютчевскую формулу любви:

*Любовь, любовь – гласит преданье –
Союз души с душой родной –
Их съединенье, сочетанье,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...*

Любовь – как «поединок роковой». Здесь еще крайне важен и сам момент влияния того или иного поэта на чувства других. Безысходность, трагичность жизни и любви, то, о чем пишет Тютчев, особенно обострённо ощущается с годами. Сегодня мы вновь постигаем и пушкинское, и тютчевское знание, талантливо рассказывающее нам о природе человеческих чувств, уже в стихах, созданных в новом тысячелетии. Всякое состояние человека изменчиво, как никто иной, знал Тютчев. Действительный статский советник и верноподанный женской прелести и красоты понимал всё несовершенство человеческой природы: «О, как убийственно мы любим, / Как в буйной слепоте страстей / Мы то всего вернее губим, / Что сердцу нашему милей!» (1851). Читая Фёдора Тютчева, находим мы утешение в нашем полном прозрении относительно себя. Ничего по сути не меняется в человеке. Проходят времена, а он прежний. Сменяются лишь одежды, антураж, предметы.

Непредсказуемы парадоксы любви и в стихах Дмитрия Мизгулина. Автор чувствует в себе эту божественную драматургию жизни, так же открыто, как это

делал Тютчев, он с верой и любовью идёт навстречу новому дню. Мизгулин – неподражаемый мастер пронзительной лирики, художник искусного психологического рисунка. Почему мы предаем любимых? Только ли изменчивая природа человека тому виной? У меня лично – ответа нет, собственно, как нет ответа и у нашего современника, тоже испытывающего душевное опустошение с уходом чувства любви. Забыв о скудеющем времени, его лирический герой сквозь годы забвения силится разглядеть собственные ушедшие ощущения некогда с ним случившегося: «Неумолимо тает время... / Всеми свой срок – всею свой час. / И встреч былых пустое время / Уже обременяет нас» (2011). Мне представляется, что лирическая поэзия должна быть от начала и до конца исповедальной. А каждое выбранное слово должно впечатлять своей колоритной выразительностью, и быть, как у Дмитрия Мизгулина, верным. Но ощущается совсем иной ход и пульс времени. Стоит ли удивляться внезапному признанию неутомимого человека-романтика в том, «что жизнь моя – / железная дорога, / Извечное движение вперёд», которое заканчивается мудрым и парадоксальным выводом: «От нас уходит тот, кто нам не нужен. / А тот, кто нужен, – не приходит к нам» (2014). Думаю, не стоит, ведь в его словах столько обыденной справедливости. Дорога создаёт ритмичный рисунок стиха, вносит обострённое, экстремальное отображение ситуации: преодоление великого русского пространства, когда размеренный стук колес уносит к заветным мыслям. Это ли не будоражащее воображение – то заветное тютчевское, когда Россию не дано объять и не дано измерить? Кому из нас незнаком беспечно играющий с жизнью русский герой, бесстрашно идущий на риск? «Я, жизнь расплескивая, пил / Не разбирая, с кем попало, / И – не допел, не долюбил, / Хотя и получил немало...» – испытывает он сладость надежды и горечь разочарования. Если в эпоху потребления и нужно о чем-то сожалеть, сравнивая её с эпохой тютчевской, так лишь о катастрофической нехватке любви, о жгучем дефиците чувств.

Интуитивно им движет какая-то подспудная идея, тайное сознание родства с человеком и с миром, словно в какой-то миг озарённым связывающим нас общим чувством божественного начала. Дмитрий Мизгулин говорит своё драгоценное слово о жизни, о бесконечной любви к ней. И сама жизнь лучше всяких заумных теорий. Вот и в произведении «Я давно не летаю во сне...» (2019), какое смело можно назвать автобиографическим, автор представляет собственную жизнь во всей ее полноте, во всех своих проявлениях и противоречиях. Это примечательное стихотворение образует целостную систему человеческого круга бытия, включающего в себя мир детства, мир семьи, мир любви, мир безграничного космоса:

*Я давно не летаю во сне,
Да и спится не очень-то мне.
В беспросветной ночной тишине
Не приходят видения мне.
(Так как раньше, в немых облаках,
Словно кто-то носил на руках...)*

В нашем воображении возникает нечто величественное, вольное и

прекрасное. Философская идея всеединства, духовного просветления и преображения человечества тут приобретает конкретные черты любви, данной нам от рождения, любви, которая бессмертна: «Сколько было по жизни всего – / А не снится почти ничего, – / Только санки под горку летят, / Только мамы встревоженный взгляд». Бесстрашная искренность интонации и некой последовательности судьбы, когда тоска по временно утраченной вечности отступает перед притягательной силой родной земли. Всё стихотворение проникнуто трагической правдой о человеке и в то же время надеждой на лучшее. Автор верит в то, что наше завтра будет отличаться большей любовью и человечностью.

Поэзия и Федора Тютчева и Дмитрия Мизгулина возвышает душу, дарует радость, так как в ней заложена потаённая жажда жизни и любви. Господь дал каждому поэту по его вере... Лирическая поэзия — это обращение, звучащее обращение, что сродни заклинанию, молитве. И сама любовь сродни божественному состоянию. Она так же захватывает всего тебя целиком и не отпускает, даёт новый интенсивный импульс творческому и преображающему началу – великому поприщу художника. Любовь и искусство – вечны. В них – единственное оправдание нашему пребыванию на земле. Ведь основная и самая большая цель всех поэтов – разгадать Божественный замысел, тайну о человеке, тайну жизни и бессмертия, любви и творчества.

«Вот этот мир, где жили мы с тобою...»

Чем мне близок Тютчев? – пришло время задаться и таким вовсе не однозначным вопросом. Наверное, тем, что он одарённый певец природы. Что же я ищу в нём? Прежде всего – сочувственный отклик одинокой душе, отражённой в мире природы, в которой веками хранится вся сила человечества. Этим неизбывным мотивом пронизано всё творчество русского поэта. Тютчев вошел в сознание читателей именно как вдохновенный художник природы. Природа – тоже возвышенное существо. «В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык», – ведь природа, как считал Фёдор Иванович Тютчев, содержит в себе целую философию мира.

Есть в осени первоначальной

Короткая, но дивная пора –

Весь день стоит как бы хрустальный

И лучезарны вечера...

Тайна несказанная... Гармония мягкой, нежной ясности. Прощальная нота осени. Прозрачно-невесомые акварельные краски. Спокойные и светлые думы пронизывают это стихотворение, сравнимое если только с выдающимися пейзажами художников-передвижников. Для Тютчева поэзия вступает в соревнование с самой природой, без которой, вероятно, она не знала бы цену своей первозданной красоте.

Так бывает, что поэзия и фигура автора окружена ореолом таинственности. Пожалуй, нет ничего интересней и увлекательней, чем открывать тайны мироздания и искать во всем символические смыслы. Вот и современный поэт Андрей Шацков, пронзительный певец славянского мира Древней Руси, обладает особым даром – одиноко, по-своему заглянуть в таинственный мир

самой вселенной. Одически-возвышенные интонации, царственное слово – изумительная русская речь. Как же мы отвыкли от подобного творчества! Отвыкли от поэтов, духовный мир которых сродни загадкам вселенной. И вдруг – перед нами мастер философско-классического стиха, обладающий голосом А. Толстого, А. Пушкина, А. Фета, А. Блока – поэт-продолжатель тютчевской традиции. Прежде всего восхищает обращённость души поэта к природе: невероятное изобилие природы, причем о чем бы Андрей Шацков ни писал. И, если Тютчев хрустально-тонко пишет об осени, то Шацков, «за мороженый кистью января», фантастически-сказочно рисует зиму:

Пейзаж в оконной раме: «Руза спит...»

Морозной вязью – на стекле название.

И даже вьюга – Божье наказание,

Затворницей ушла в еловый скит.

Его поэтический «Ночной пейзаж» наглядно показывает ярко-индивидуальные черты художественного мира поэта-творца. Неистощимая светоносность – признак духовной принадлежности к светлым слоям Небесного мира. Откуда нисходит этот образ загадки и тихого света? «Я эту ночь, что минула без сна / С бесшумною повадкой снежной рыси, / Возьму с собой в заоблачные выси, / Когда придёт последняя весна!» – некая неисповедимая тайна «белого пространства», быть может, alter ego самого автора, взывающее к чувству, воле, разуму... Необходимо попутно заметить, что и для Тютчева в подобной тайнописи художника одинаково важны как разлад человека с природой, так и согласие между ними: «Певучесть есть в морских волнах, / Гармония в стихийных спорах...» Человек, испытывая горести, отчаяние, бросается в объятия природы, которая так милостиво и благословенно открывает ему свои исцеляющие секреты.

Исключительно воспринимает русскую природу и Андрей Шацков. Она для него – тоже живое и возвышенное существо со своей душой, своими чувствами, своим голосом. Однако у каждого художника собственная палитра, собственный характер, собственный стиль. Пейзажные стихи Шацкого невероятно красочные, метафорически насыщенные. Он как всегда отдает предпочтение древним истокам и мифическим образам: его поэтическое сказание «Журавель» – языческая тайна, содержащая в себе трагизм бытия, природы, человеческой жизни и в то же время – это одухотворение бытия.

Мне в ночь приснился серый жураве'ль.

Один, среди змеиного болота –

Случайной цели звёздного полёта...

У каждого своя судьба и цель.

Человек и природа в своем единстве составляют символично-аллегорическую форму взаимосвязи. Поэты словно соревнуются друг с другом. Вслушайся, дорогой читатель, теперь уже в стихотворение Фёдора Тютчева «Вечер»:

Как тихо веет над долиной

Далекий колокольный звон,

Как шорох стаи журавлиной, —

И в шуме листьев замер он.

Сколько здесь изящных черт, тонкой прелести... Едва-едва осязаемого, таинственного... В тютчевском человеке есть что-то экзистенциальное, чувство затерянности во вселенной. При всём при том он наделён удивительным качеством восхищения красотой и царственностью природы, жаждой своего единения с нею. Светлой грустью веет от его легко парящих осенних строк. Вероятно, таков путь Тютчева к чуду, к благодатному свету, заключённому в природе и в человеке.

Между тем исключительную чуткость ко всему вокруг происходящему проявляет и Андрей Шацков. Поэт в моменте и неизменно возвышается над моментом. Свежая кисть художника третьего тысячелетия впитала любомудрие прошлых столетий. Неизведанный поэтический космос... Слово Шацкого, как и тютчевское, проникнуто глубинным, трепетным пробуждением природы, оно раскрывает целый мир мыслей, чувств, корневую связь с родной землей. Как личность оригинальную, особенную, поэта волнует и влечет к познанию окружающего мира бесконечный круговорот явлений, происходящих в природе: «Но снова дороги скрипят под полозьями / Влекомыми в белой попоне конями... / Лишь пёс на крыльце, под холодными звёздами, / Всё цедит весенние ветры ноздрями». Космизм поэзии Шацкого вобрал в себя планетарность Тютчева, обогащенную достоверностью и детальностью картин Фета. Многовариантность ассоциаций – свидетельство высокого художественного мастерства в творчестве любого художника. Мелькают в круге бытия знакомые образы-символы: весна, лето, осень, зима...

Но спокойная мудрость, которая приходит к иным лишь на излёте лет, у Тютчева, как ни странно, присутствовала всегда. Поэт жил предчувствием тайны, космоса. Необъяснимым образом художника влекло безмолвное и торжественное Небо. Во второй половине XIX века в русскую словесность начинает входить новое философское понятие – так называемое космическое сознание. К небольшому числу избранных – высокоинтеллектуальных людей, обладавших «космическим» сознанием, – причисляли и поэтов, среди которых одно из главных мест отвели Ф. И. Тютчеву. Сегодня, особенно в наши дни с их триумфальной космической устремлённостью, великий русский поэт нашел наконец своего массового читателя. Совершенно космическое произведение «Как океан объемлет шар земной...»:

Есть некий час в ночи, всемирного молчанья,

И в оный час явлений и чудес

Живая колесница мирозданья

Открыто катится в святилище небес...

Небесный свод, горящий славой звездной,

Таинственно глядит из глубины, –

И мы плывем, пылающею бездной

Со всех сторон окружены.

Мир и человек, художник и творчество – прекрасны в своей бесконечности. Что пытается отыскать там гениальный поэт, одолеваемый тайными надеждами? Быть может, идеальную гармонию – как спасение от

реального хаоса.

Космизм Тютчева нашел свое отражение и в творчестве Щацкого, так же связанного с планетарным, космическим взглядом на мир. Бытует мнение, что интуиция – это некое мистическое состояние сознания человека.

Как хорошо глядеть в небесный свод.

И, на щеке почуяв солнца ласку,

Знать – в горней выси бабушка живёт,

Которая тебе читала сказку.

Материя жизни истончается и возникает ощущение сквозящей метафизики. Вот так же и человек Тютчева вращался в природный и исторический мир, противоречивый, как и вся бескрайняя Россия. Смирение и отчаяние, бездна и свет, приятие и чуждость. Он – человек служилый, не будем забывать. Но являясь поэтом-гением, Федор Тютчев воспринимал мир и человека на уровне гениальной поэзии. Не зря в XXI веке Андрей Щацкий напишет убедительные строки: «Нам не прожить без тютчевской России, / И ей, наверно, не прожить без нас». Нас всех объединяет одна славянская земля, одна православная культура. По мнению литературоведа и публициста Вадима Кожинова, написавшего книгу о Фёдоре Тютчеве, русский художник слова благодаря его вере в Россию не мог не стать подлинным всенародным поэтом.

Такая мысль имеет свое яркое продолжение и в творчестве Андрея Щацкого. Историю Руси творили личности эпохальные и значительные. Небо и былинные легенды Древней Руси зажгли искру Божью, а вместе с ней и Дух Православия. Его поэзия имеет корни, уходящие в культуры Древней Руси, имеет свой собственный художественный язык. Чувственную эмоционально-смысловую насыщенность, надмирное, совершенно неземное состояние создает у читателя многогранное произведение «Лебеди Тютчева» – триптих – выражение глубокого почтения к великому русскому поэту и дипломату:

Над Овстугом властвует Брянска зима.

Осталось в минувшем дождливое лето.

Как странно: здесь "Горе" живет "от ума",

Родившись в усадьбе другого поэта...

Хозяина нет. Он уехал давно

И вряд ли до срока прибудет обратно.

Размышления Щацкого в Овстуге ещё на 215-летию великого поэта полны тревожных сомнений. Ведь и тот же Тютчев при всей своей афористичности: «Умом Россию не понять», или его «природа – сфинкс», – соединяет в себе космос и хаос. Литературный критик Вячеслав Лютый в очерке «Ностальгия по России», говоря о триптихе Андрея Щацкого «Лебеди Тютчева», замечает, что историко-философская грань биографии и судьбы Тютчева как бы соприкасается с важнейшими вехами на пути России во времени и пространстве. И личность самого Щацкого, и его лирический герой здесь стоят рядом, неся какой-то оттенок тютчевского трагизма бытия. Вот из таких оттенков и рождается образ: «Тяжеле вериги – поэтов судьба / В России, покрытой морозною пылью... / Но гордо в щите родового герба / Распластаны лебедя белые крылья!»

Какое трепетное отношение к святыням! Грациозные лебеди, обитавшие в живописном пруду возрожденной дворянской усадьбы Тютчевых. Ёмкая и твердая композиция, олицетворяющая связь с другими искусствами: музыкой, живописью, скульптурой и архитектурой. Размышления государственного деятеля и дипломата о Западе и Востоке, об особом историческом предназначении России, поэта-мыслителя и гражданина, проявившего самоотверженность и верность русской земле, до сих пор напоминают заколдованный круг – и всё никак не могут реализоваться позитивно. Именно за душу человека, за ее чистоту и возвышение боролся он. Что любопытно: и у Тютчева и у Шацкого повсюду – тайна:

*Их выводок плещет в заветном пруду
И ходит эскадренным строем по кругу...
Я к ним попрощаться с поклоном приду
И горького хлеба отрежу краюху.*

Как видим, Андрей Шацкий – тоже поэт поразительной культуры ушедших XVIII – XIX веков. Пусть, дорогой читатель, ты там никогда не бывал – и вдруг ты почувствовал в кончиках пальцев забытый, далекий трепет тайны. Но повсюду угадывается промысел Божий, прав поэт Шацкий, и посему сомнения уходят, ибо человек жив верой:

*И внёс летописец уставную запись в тетрадь.
«Воскреснет Господь, и его расточатся враги.
И встретит со славой, вернувшихся в пору, посад...».
На Русское поле ложатся бывшего шаги,
И реют хоругви шелковые воинства над!*

Вот и сам Тютчев пытался отгадать, в чем же сила ратного стоянья русского человека, когда писал: «Край родной долготерпенья, / Край ты русского народа!..» В той провиденциальной миссии, что выпала на долю России, он видел нечто большее, predetermined свыше. «Поэт-воин, боец, трагически идущий навстречу катастрофам в самое пекло хаоса, ибо только собственным участием в борьбе можно определить, хотя бы и ценой собственной гибели, исход этой борьбы» – эти эмоционально мощные слова посвятил любимому народному поэту – Фёдору Тютчеву – писатель, литературовед Юрий Селезнев. Да, только собственным участием в борьбе можно определить ее исход. Но и жизненное кредо поэта Андрея Шацкого, и магистральная идея его бытия, вдохновенно звучащая в триптихе «Лебеди Тютчева», целиком и полностью подчинены этой идее.

К тому же поэзия интригует непривычностью своей мысли, необыкновенными контрастами. Пожалуй, самое время для сравнения обратиться к стихотворению Тютчева «Лебедь» (1828–1829):

*Пускай орел за облаками
Встречает молнии полет
И неподвижными очами
В себя вливает солнца свет.
Но нет завиднее удела,
О лебедь чистый, твоего —*

*И чистой, как ты сам, одело
Тебя стихией божество.*

Две птицы: орел и лебедь – два выразительных противопоставления, в которых скрыта дуальность самого художника. Поэт уходит от рационального, не столь ощутима для него и роль немецких романтиков. Отдавая предпочтение лебедю, он выбирает русский национальный космос, созерцательность и покой, уподобив своего лебедя чистоте души русского человека. Всплывают в памяти размышления о Западе и Востоке, об особом историческом предназначении России. «Дни настают борьбы и торжества», – вот он, вещий тютчевский афоризм, до сих пор актуальный. Величие России, оно повсюду, кажется, из далекого былого зовут нас тревожные лебединые голоса, напоминая о том, что поэзия Тютчева жива, что всё бесконечное – свершится.

Завершая эссе, к общему поэтическому портрету сделаем лаконичные штрихи: Анатолий Юрьевич Аврутин – главный редактор литературно-художественного журнала «Новая Немига литературная», Дмитрий Александрович Мизгулин – глава Ханты-Мансийского банка, Президент литературного фонда «Дорога жизни», Андрей Владиславович Шацков – государственный советник III класса Российской Федерации, главный редактор альманаха «День поэзии – XXI век». Подчеркнём существенное: его авторы-герои подобно Тютчеву – поэты-государственники и подвижники русской культуры. Все они – продолжатели отечественной классической традиции. Таков портрет современных русских поэтов, в центре которого сияет звезда Федора Ивановича Тютчева, высвечивая дар и подвиг художника-творца, высоту человеческого призвания. От ее сияния расходятся лучи яркого поэтического огня, вселяющие веру в будущее, дающие надежду не только освещать, но и согревать грядущие поколения.

Лауреат конкурса «Мыслящий тростник» в номинации «Философское эссе»

Шатырёнок Ирина Сергеевна

Живой разговор

Литературные дороги часто дарят нам неожиданные встречи и знакомства.

XXXIII Международный Аксаковский праздник в 2023 году был посвящен 200-летию Ивану Сергеевичу Аксакову (1823–1886), русскому публицисту, издателю, поэту и критику.

Программа Аксаковского праздника была насыщенной, делегация гостей посетила места, связанные с семьей Аксаковых, и везде нас встречали хлебом-солью, поили-кормили местным кумысом, чаем с молоком, квасом, яблочной пастилой, угощали национальными блюдами на меду чак-чак, баурсаком и другой выпечкой.Guests щедро одаривали липовым, гречишным мёдом в сувенирных упаковках, мёдом в сотах, ведь всем известно – Башкирия традиционно славится своим экологически чистым мёдом.

Самым дальним в нашей поездке был городской поселок Белебей, почти 200 километров от Уфы, где и состоялся круглый литературный стол «Новые смыслы Аксаковского наследия».

На всех мероприятиях праздника активно выступала директор музея-заповедника Ф.И. Тютчева «Овстуг» (Брянск) Оксана Михайловна Шейкина, знакомила аудиторию с интересными докладами, в ней сразу узнавался подвижник своего дела, человек увлеченный и неравнодушный.

Три насыщенных дня пролетели быстро. Пора было расставаться. Город с раннего утра затянуло плотным туманом, многие самолеты из-за молочной пелены не смогли по расписанию совершить посадку. Задержали и наш рейс Уфа-Москва.

В зале ожидания аэропорта мы оказались с Оксаной рядом. Слово за слово, разговорились о поэзии Тютчева, о близком юбилее поэта. Музей-заповедник Ф.И. Тютчева «Овстуг» живёт большими планами, они реализуются в разнообразных музыкальных, театральных, изобразительных проектах, в том числе литературный тютчевский конкурс «Мыслящий тростник».

Оксана Михайловна загорелась идеей привезти выставку в Беларусь. Обычно так и завязываются межгосударственные культурные связи и личные отношения.

На память директор музея подарила мне великолепно изданный миниатюрный томик «Ф.И. ТЮТЧЕВ. ИЗБРАННОЕ». По приезду домой последовала литературная переписка.

– Хорошо бы перевести стихи Федора Тютчева на белорусский язык, – поделилась со мной Оксана Михайловна.

Стоящее дело. Предложила своей давней приятельнице из Гродно, коллеге по литературному цеху, учительнице литературы, талантливой поэтессе Галине

Самойло сделать несколько переводов из Тютчева на белорусский язык. Она тонко чувствует классическую русскую поэзию, ее мелодику, размер, ритм, язык.

Одно из любимых моих стихотворений «Накануне годовщины 4 августа 1864 года», предложила Галине именно это стихотворение.

Но вернусь к одной знаменательной лично для меня книги, с нею, собственно, все и началось.

Пятьдесят лет храню старый сборник рассказов Юрия Нагибина в оранжевой обложке «Ты будешь жить» (издательство «Современник», 1974г.). Книга настольная, читана-перечитана, но из всех рассказов «Сон о Тютчеве» – стоит особицей, с тех давних пор не дает мне покоя, часто возвращаюсь к нему. Казалось бы, книга та же, на полях вся исписана моими карандашными заметками, замечаниями, вопросами. Понимаю, на протяжении жизни менялась сама, вслед за пытливой мыслью Нагибина пытаюсь проникнуть в тайнопись поэтической природы творчества самого Федора Тютчева.

Слово «сон» в заголовке у Нагибина не случаен. Темы дороги, сновидений, смерти волновали поэта всю жизнь. Биографию поэта-дипломата писатель изучил основательно, особенно любовную историю с Лёлей Денисьевой. Не было бы ничего удивительного, если бы откликнулся коллега Тютчева, талантливый поэт, но Нагибин – не поэт, не от того ли его интерес так притягателен. И выбранная тема загадочная – природа поэтического созидания.

Юрий Нагибин, как никто другой определился в крохотном рассказике, что же такое рождение поэтической мелодики, точной пригнанности ее строки, придание совершенству законченной формы мысли и чувства. Проза самого Юрия Марковича наполнена поэтической чувственностью, порой яростной, с особым темпераментом русской речи, богатой и редкой, переполненной интуитивными предчувствиями, ожиданиями любви, неизбежной трагедийностью и потерями.

И какой контраст! В стихотворении Тютчева такие простые слова, а у златоуста Нагибина, наоборот, речь льется, слова переливаются драгоценными, редкими камнями, рассказ наполнен несказанной красотой, текст благоухает, как в сказочном, вечнозеленом саду.

Писатель не боится говорить от имени поэта, порой удивляешься интуиции Нагибина, так заразительно и достоверно звучит его рассказ. Можно ли ему верить? Времена разные, но у Нагибина с поэтом один возраст, один и другой много познали в любви, пора подводить жизненные итоги.

«Он шел и думал. Наша любовь дала жизнь трем детям, я совершил жалкий жест порядочности и «простер над ним отцовскую длань», попросту усыновил их. Но что значит эта формальность в глазах света? И дети, которых она безмерно любила, усугубляли ее муки...»

Перед нами согбенный старик, «ноги мозжило его», и только к вечеру боль отступала, и он мог выйти на прогулку, *«и сам ощущал, как странен его медлительный, шаркающий шаг, приличествующий какому-нибудь подагрическому сановнику или генерал-ревматiku, а не художнику, ариэлевой*

невесомости и незаземленности поэту».

Со дня смерти Елены Денисьевой, его бедной Лёли, гражданской жены и последней страстной любви прошел год. Но память о ней не отпускала Федора Ивановича, страдания измучили его душу, ему надо было освободиться от невыносимой внутренней боли. Он в ожидании пробуждения новых поэтических строк, надеется, что они вытеснят на какое-то время старую боль, дадут ему краткий перерыв от мучительных терзаний.

Смерть Лёли подкосила поэта, через год последуют скоропостижные утраты двух их общих детей – старшей Елены и маленького Коленьки, потом смерть матери, любимого старшего брата...

Вечерняя дорога успокаивала, но рождение поэтических строк шло мучительно. *«...обычно в дороге, когда стихи начинались смутным шумом, словно далекий морской прибой, затем в мерном шуме этом прозванивали отдельные слова и вдруг чудно сочетались в строку. Он становился как бы вместилищем некой чуждой работы».*

Речь Юрия Нагибина так вещественна, магически убедительна, что мы верим его предсказаниям, как будто эти слова принадлежат самому Тютчеву. Прозаик провидчески от имени Тютчева предсказывает в будущем появление поэта Осипа Мандельштама.

«И вот оно – сказалось сразу двустрочием:

Были очи острее точимой косы

По зигзице в зенице и по капле росы...

Что будет с очами «острее точимой косы»? Нет, не пришло еще время для этих стихов, оно придет через век, быть может, чуть раньше. Он еще раз, словно прощаясь, повторил вслух эти строки и дал им уйти в горло другого, грядущего поэта... Он, как птицу, выпустил стихи из ладоней, но к острому сожалению примешивалась взволнованная убежденность, что стихи сегодня непременно будут».

Далее Нагибин вспоминает строки другого поэта – Иннокентия Анненского. И этот творческий прием срабатывает в рассказе, расширяя круг продолжателей тютчевской традиции.

«Среди миров, в мерцании светил

Одной Звезды я повторяю имя, –

сладко сказалось в сердце.

Нет, и для этих стихов еще не настало время. Их скажут потом, лет через пятьдесят. Надо что-то оставить будущим поэтам, чтоб новыми голосами понесли в мир его слово...

– Стоп! – пусть, пусть все это скажет в свой час другой во утление собственной боли».

Предыдущие жены утонченного европейца Тютчева, потерявшие свои разумные головки от обаяния его красноречивого остроумия, внутренней свободы, беспечного поэтического дара, были немками. Эти благодарные женщины могли упорядочить быт поэта, заплатить его старые долги, быть преданными и бесконечно терпеливыми. Но юная Лёля Денисьева, будущая фрейлина, ровесница его старших дочерей, выпускница Смольного института,

русская всей душой, без оглядки на мнение высшего света, родни обрушила на него всю страсть своих первых чувств, покорила поэта своим безотказным служением и высокой жертвенностью. *«Она сразу превзошла его в мощи, цельности и одержимости чувства. Он устремился за ней, поднялся выше своих обычных сил, опалил крылья, рухнул, но, поддержанный ее мужеством и отчаянием, повис между небом и землей...».*

Боже мой! Как она ждала его, нетерпеливо, жадно до слепого самоотречения. Все внутри замирало, томилось, она каменела, молчала, разговоры ее отвлекали от внутреннего монолога с поэтом. И сама она превращалась в какое-то странное существо, в преданную собаку...

Посторонние шумы, движения, шорохи, оклики мешали ей сосредоточиться на любимом. Поэт уже седой, мятущийся, но отзывчивый, полный сил и легкого движения был ни на кого не похож из окружения юной девушки. Наедине он нашептывал ей запретные слова, от них она вспыхивала, горели щёки, лоб, уши, руки вдруг зябли, пальцы дрожали, было трудно дышать и сердце начинало трепетать. Вот сейчас она обессиленно упадёт и не встанет, от слабости мутило, по всем признакам – первая беременность.

Вся ее прошлая счастливая жизнь закончилась, она готова была сражаться за свое счастье, плата – любая цена, даже самая страшная, отречение от всех и всего. Их обоюдная страсть ослепляла, мир сжимался до узкого пространства межвременья, одного касания, пронзительного взгляда, взмаха ресниц. Не надо было слов, они дышали, понимали друг друга почти без слов, сливаясь в единое целое. Их первые свидания были краткими, опасными, стыдными и нетерпеливыми.

Греховная страсть несмотря на продолжение длиною в четырнадцать лет, была обречена. Лёля истерзала себя и Тютчева, надорвала себя непосильными тревогами, ожиданиями, нервная лихорадка обнажила ее преждевременные болезни. И как результат – скоротечный туберкулез. Молодая женщина умерла на руках у Тютчева 4 августа 1864 года. Ей было всего тридцать восемь!

Большой талант поэта требует приношения больших человеческих жертв, страдания – своеобразное топливо, оно поддерживает огонь желаний и вдохновения.

Нагибин от лица поэта убеждает нас. *«Она страдала, когда я наклонялся над колыбелью нашего первенца и когда забывал это сделать. Страдала, когда я был с ней и когда уходил, страдала, когда мы ездили за границу — в любом пейзаже и любом окружении. Страдала, когда я целовал, обнимал, желал ее, и еще невыносимее страдала, когда заботы, усталость или скорбь отвлекали меня от нежности. Она хотела, чтоб я любил ее беспрерывно и вместе чтоб не прикасался к ней».*

Поэт стар, всё умерло в нём безвозвратно, он окончательно одинок, бредёт по пустынной дороге «и вдруг – от боли, одиночества, от непоправимого своего сиротства в мире – заплакал... Мокрые от слез губы прошептали:

*Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня,
Тяжело мне, замирают ноги...*

Друг мой милый, видишь ли меня?..»

...Он говорил с Еленой Александровной, с Лёлей. Обращение не было приёмом. Тут вообще не было никакой поэтической риторики. Душа стала словом и выражала себя напрямую».

Привычные слова, но какая прозрачная красота скрывается за их простотой! Тютчев надеялся, что рожденные стихи отпустят давнюю боль. Исцеление поэзией. Так и случилось.

*«Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?»*

– Вижу, – тихо и отчетливо произнес глубокий голос Елены Александровны. – Вижу, бедный друг мой, и слышу.

Сим отпускаешь! – проговорил другой голос почти шёпотом, но словно бы под хрустальным куполом – так отгулчив и отзвончив, широк и внятен был резонанс.

И всё — тишина, сумрак, одинокий старик у дороги...»

Наконец, поэт обрел умиротворение и спокойствие, душа бедной Лёли оставила его, терзания вылились в поэтические строки, душа умиротворилась...

Елена Александровна умерла на руках поэта 4 августа 1864 года. *«Весь день она лежала в забытии, / И всю ее уж тени покрывали...»* – за окнами лил теплый, летний дождь.

Темными осенними вечерами мы долго обсуждали с Галиной трагическую любовь поэта к его последней возлюбленной Елене Денисьевой. Она пожертвовала всем, даже своей жизнью, и быстро сгорела от греховной любви. Представители великосветских салонов Петербурга не простили ей дерзкий вызов, отвергли вчерашнюю выпускницу Смольного института.

Моя собеседница до глубокой осени живет в деревенском доме своего деда, она человек замкнутый, самодостаточный, ей нравится одиночество. *«Здравствуйте, Ирина. Сегодня дождь, никаких работ на улице нельзя затеять. Знакомлюсь с эссе о Тютчеве. Перечитала его краткую биографию, его любовные истории. Давно не работаю в школе, и все уже забылось. Когда преподавала, я его понимала. А теперь новыми глазами – нет...».*

Мы и не заметили, как стали говорить о давно знакомых литературных персонажах, как о реальных людях, откровения Галины горчат, ее личные прошлые ошибки не дают ей покоя, воспоминания мучительны.

Полезный литературный разговор с поэтессой, переводчиком Галиной Самойло состоялся, прикосновение к судьбе поэта, его поэзии, прояснил наши сердца, нас самих, измененных во времени и пространстве, навсегда обогатив тютчевской живой строкой. Родился новый перевод.

*Вось брыду я ціха ўздоўж дарогі
У святле згасаючага дня...
Цяжка мне, мярцвеюць мае ногі...*

Сябар мілы, бачны табе я?

*Больш і больш цямнее над зямлёю.
Адляцеў апошні водбліск дня...
Вось той свет, дзе мы жылі з табою,
Мой анёл, ці бачны табе я?*

*Заўтра будзе дзень малітваў скрушных,
Заўтра памяць распачнага дня.
Мой анёл, дзе б ні луналі душы,
Мой анёл, ці бачны табе я?*

Мы беседовали с Галиной о литературе, о призвании, о личной трагедии поэта, его покаянии: *«Тютчев – хороший поэт, но сложный человек. И раньше думала, а теперь укрепились в мысли, что подробных биографий поэтов, писателей в школе изучать не надо. Ибо часто они снимают ареол с поэта. И стихи перестают восприниматься глубоко, перестаешь им верить.*

Чувства, страсти питают поэзию. Но можно ли свой талант, творчество ставить выше чьей-то единственной жизни? В порыве новых страстей и чувств можно ли пренебрегать старыми, уже не полыхающими, но все же живыми? И можно ли идти напролом в своих новых чувствах, если жизнь против них и не даст им жить? Понимаю поступки Тютчева, потому что и сама шла за чувствами наперекор всему реальному. Интересно, что почти все свои стихи я тоже написала, когда шла куда-то или ехала – в движении. Писала полностью в уме и помнила практически все.

Но теперь и не пишу, и забываю написанные. Перегорели страсти, истлели надежды. Остался только горький дым вины».

Со стороны наши диалоги могут показаться странными, но для нас самих очень своевременными. Мы горячо спорили о перипетиях судьбы поэта, как будто он живой, вчера ещё встречались, наш современник. В чём-то я не соглашалась, прислушивалась к её аргументам, защищала Тютчева, перечитывала и цитировала его письма.

Галина откликнулась: *«В школе, помню, предлагалось сочинение-размышление на тему «Анна Каренина и Татьяна Ларина». Два противоположных выбора. Какой из них лучше?... Но все же второй позволяет жить, а первый убивает... Первый – это путь в бездну для женщины, потому что общество ее казнит, а мужчину милует. Очень изощренная пытка. Идя на такую запретную любовь, мужчина должен был бы добровольно разделить участь избранницы – уйти из света. Но ни Вронский, ни Тютчев этого не сделали. Хотя могли. Бытует мнение, что только любовью может жить женщина, а мужчина не может. Но это такой же стереотип, как любое общепринятое умозаключение. Наталья Гончарова и Ланской, найдя друг друга, оба добровольно ушли из света, и счастливо жили в отдаленном от столиц имении – без балов, гостей... А Вронский и Тютчев на это не пошли – жить для своих женщин и детей. Их страсть сделала выбор в пользу любви. А их умы*

желали совместить несовместимое...

Это заранее заданные рамки, и в этих рамках позволена «тайная» связь, но её честное обнародование не позволено. Результат предопределен. Общество не изменится. Изменить свое отношение к рамкам и жить в своем выборе, не предавая друг друга и свою любовь, – единственный выход. Но происходит предательство со стороны мужчин и как следствие её – нервно-психическое, а потом и физическое уничтожение женщины. Женщина честно переступила, и мужчина принял ее честность, но сам нечестен. Сделал шаги, но до конца не пошёл.

Это моё мнение... А мужчины, принимая жертву, сами на такую же не способны. И раскаиваются только убив своей страстью своих жертв...».

Да, в таких отношениях изначально заложен конфликт, непримиримость, особенно это важно в литературе, нет конфликта и для читателя, режиссёра в сюжете нет динамике, а значит он бездейственен. Кому интересен правильный человек, это скучно. Хорошо наблюдать за развитием сюжета из зала, но это в литературе, не в жизни. Нам всегда дается выбор. Татьяна Ларина более цельная натура, она не пошла на сделку, которую ей предлагал искушённый в любви Онегин. Литература как лаборатория даёт наглядный пример, что тебя ждёт, если...

Роковые страсти губительны, не все могут пройти жизненные испытания. Страсти, как правило, греховны, и женщина обычно заложница и жертва, поэтам остается исповедоваться и раскаиваться собственным творчеством, тогда из-под пера выходят гениальные творения.

Галина Самойло. *«Да, дар – это не подарок, а испытание чаще всего. Но если осознать это, то он превращается из проживаемого в наблюдаемый и анализируемый».*

Поэт Федор Тютчев ещё при жизни был равен своему современнику Александру Пушкину, но оценён и заново открыт только в новом времени, начиная с поэтов Серебряного века.

Они были слишком разными. Первый – приверженец античной и ушедшей школы, старой архаичной поэтики XVIII века, погруженный в себя, закрытый и осторожный, считавший безделицей занятия поэзией. Второй – кумир современников, при жизни познал успех, создатель нового русского литературного языка, открытый миру, Пушкин умел щедро делиться со всеми своим даром.

Но какое это счастье, сердечная радость! Спустя столетия и пространства, пробуждать в других, далёких соплеменниках живую сопричастность, понимание художественного Слова, её редкость и отзывчивость.

Поэзия Федора Ивановича Тютчева давно вошла в нашу жизнь, в нашу кровь и плоть, в национальную идентичность и утвердилась русским культурным кодом. Познавать противоречивую земную сущность и божественную надмирность наследия поэта будут и дальше последующие поколения – «где новые садятся гости...», формируя русское самосознание, его

особенную отличительность и гордое величие.